

- Вяземского. – СПб., 1883; Сокращенное переиздание путевых записок Вяземского состоялось больше чем через столетие в сб. Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. / Сост. К. Ургузова. – М., 1995.
6. Лонгинов М.Н. «Из современных записок» // Русский Вестник – 1861, № 4. – С.139.
7. Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. / Сост. К. Ургузова. – М., 1995. – С. 262.
8. Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского в 12 т.: Изд. графа С.Д. Шереметева. – СПб., 1880–1896. Здесь и далее стихотворения П.А. Вяземского цит. по этому изданию.
9. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В.Э. Багдасарян и др.; под редакцией В.Л. Телицина. – М., 2003. – С. 410, 1 стб.
10. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. – М., 1916.
11. Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа/ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 204.
12. Батурова Т.К. Митрополит Филарет о святых и святости / Современное прочтение русской классической литературы XIX в. – М., 2007. – С. 30.
13. Об этом, в частности, пишет А.В. Моторин Образ Иерусалима в русском романтизме // Христианство и русская литература. Сб. 2. – СПб., 1996.

O. Khayrullina

“ETERNAL” AND “TRANSCIENT” IN PALESTINIAN NOTES BY P. VJAZEMSKIY

Abstract: The author analyzes essays and poems which form the literary narration of spiritual discovery of Palestine by P. Vjazemsky.

Key words: essays, literary narration, spiritual discovery.

УДК 82 (091)

Хугаев И.С.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО ТЕКСТА (ЭТНИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОСЕТИНСКОГО РУССКОЯЗЫЧИЯ)*

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и исторические аспекты языковой природы русскоязычной осетинской литературы с точки зрения взаимодействия родного и заимствованного языков, выявляются формы и критерии национального в транслингвальном тексте.

Ключевые слова: генезис, младописьменность, транслингвизм, заимствование, субстрат, взаимодействие, переименование, народность.

Генезис младописьменных литератур Северного Кавказа в решающей степени определяется взаимодействием имманентных и внешних (русских) этнокультурных идеологических архетипов; но при ближайшем рассмотрении актуализируется задача выяснения того, что происходит на непосредственно *формально-языковом* уровне, – и это тем более, когда речь идет о *транслингвальной* литературной традиции. Так, корреляция указанных архетипов относится к генезису и истории осетинской литературы в целом – в равной мере к обеим ее ветвям – и к русскоязычной, и к осетиноязычной. Но следует

разграничивать собственно осетинскую и русскоязычную осетинскую литературу (впредь РЯОЛ) с точки зрения меры и участия внешних *формальных* заимствований. Строго говоря, генезис осетинской литературы на родном языке актуализирует *графический* аспект, РЯОЛ – *языковой*: если первая берет на вооружение только букву (кириллица), то вторая – букву и самое слово, а вместе со словом вольно или невольно должна заимствовать и алгоритмы мышления, в том числе художественного.

Проблема языкового – внешне-формального аспекта – важна постольку, поскольку национальное мышление и менталитет фиксируются не только на уровне *смысловых текстов* предания (устного народного), но и в самом *языке* на всех его уровнях от фонетики до синтаксиса как «исповеди народа» (П.А. Вяземский); творчество на заимствованном языке предполагает тончайшее взаимодействие заимствованного языка с родным, всегда пребывающим под спудом творческого акта. Вопрос, стало быть, в том и заключается, в какой мере и каким образом имеет место это взаимодействие, – почему, собственно, возможно литературное *осетинское русскоязычие*.

* © Хугаев И.С.

Что язык – исповедь народа, это безусловно; но верно и то, что он представляет собой исповедь непреднамеренную (именно потому, что, как писал Буслаев, народ не помнит, чтобы он когда-нибудь его изобрел [1]); язык – «говор Бытия»; «Бытие подталкивает человека к разговору, *им* говорит, *через него* говорит» [2]; в этом смысле язык – «сомнамбулическое» откровение. Литература тоже исповедь, но ее, в отличие от языка, создает народ; это уже исповедь сознательная, так сказать, здравого смысла и твердой памяти; и почему, если так, полагать, что народ и человек могут исповедоваться только на одном языке? Так было бы, если бы имело смысл исповедоваться лишь перед самим собой и богом; когда же есть потребность исповедоваться перед человечеством, и когда действительно есть *что* сказать, – вопрос *как*, на *каком языке* приобретает второстепенный характер [3].

Категорические неприятели русскоязычия как явления национальных (и, подчеркнем, младописьменных [4]) литератур выступают, по сути, апологетами теории лингвистической относительности Сепира – Уорфа, причем ее радикальной, категорической версии, экспериментально, как известно, неподтверждаемой. Они идут еще дальше, фактически настаивая на непреступности культурных границ, невозможности взаимодействия и соединения языковых стихий, диалога между языками как разными «домами бытия» [5]. Отказывать транслингвальной литературе в статусе национальной означает, как минимум, и невозможность литературного перевода на другой язык; соответственно, и недопустимость того, чтобы человек радовался искусству слова на чужом языке. Наши оппоненты исходят из необходимости сохранения культуры, ее самобытности и суверенитета [6], но на самом деле в их позиции проглядывает излишняя хлопотливость: усердие, с которым они настаивают на значении *собственно* языка, языка *в узком смысле*, *внешнего* языка как абсолютного критерия этнокультурной принадлежности литературы, говорит об их подсознательном признании того, что этносы одинаковы по существу, *внутренне*, что, стало быть, их просту нет.

Развитой язык, безусловно, воспитывает сознание, выступает «главным средством формирования душ» [7], но для этого он должен сначала развиваться; а *развитие* и становление языка обуславливается общественно-исторической практикой, которая

закрепляет в языке результаты познания действительности, фиксирует специфический национальный опыт и отражает характер. Мы утверждаем, что если различия языков в филогенезе и этногенезе вторичны, то в известной мере вторичны и различия языков *в литературах* [8].

Речь идет о *лингвистико-социальном* определении этноса и литературы, которое оказывается неожиданно узким для таких сложных феноменов, как транслингвальная литература. Следует признать, что, со строго филологической точки зрения и вопреки расхожему мнению, говорить по-русски еще вовсе не значит (для *транслингва*) думать и чувствовать по-русски и быть русским [9]. Это тем более относится к литературе, что писатель естественным образом в большей степени, нежели рядовой обыватель, погружен в национальный культурный мир: нельзя допустить, чтобы в минуты творческого напряжения и вдохновения он был автоматически свободен от национально-культурных корней только потому, что пользуются не родным языком. С формальной точки зрения следует, вероятно, заметить, что осетинский литературный транслингвизм возник в условиях только «*снижения* престижного потенциала» [10] осетинского языка, но не в результате *гибели* этого языка.

Для нас очевидно как раз обратное: архетипы и символы национального, этические и ментальные особенности и темперамент [11], традиционное для этноса представление о красоте и пластике проявляют себя ярче и активнее именно тогда, когда человек находится в режиме артистического диалога с внешним миром; ситуация диалога доминирует над языковыми отношениями; вдохновение и правда важнее языка.

Относительно билингвизма и транслингвизма на *нелитературном* (скажем, бытовом) уровне известные суждения Л.В. Щербы, Э. Кассирера, А. Мартине и других крупных ученых-лингвистов совершенно убедительны: «При смешанном двуязычии обретаемый язык всегда претерпевает влияние первого языка, и поэтому необходима неуспяная *борьба* с родным языком, только тогда можно надеяться осознать все своеобразие изучаемого языка»; «Реальная трудность... состоит не столько в изучении нового языка, сколько в *забывании* старого», поскольку «наши восприятия, интуиция и понятия срощены с терминами и формами речи родного языка. Чтобы *освободиться* от связей между словами и вещами, требуются огромные уси-

лия», которые «при изучении нового языка просто необходимы»; «Не существует человека, который, хорошо зная свой родной язык, был бы способен овладеть другим» [12] и т.д. Но на высоких ступенях продуктивного [13] билингвизма и транслингвизма в плане литературного творчества (конечно, не графомании) «влияние первого (родного. – И. Х.) языка» уже не такого рода, чтобы существовала необходимость *борьбы* с ним или его *забывания*.

Свободного и даже совершенного владения чужим литературным языком совершенно недостаточно, чтобы быть художником и создавать литературу [14]. Словесное творчество – это не подбор рифмы и не вспоминание нужных слов, вернее сказать, подобные операции полностью исключают искусство. Язык – только световая сторона, только видимая часть айсберга, который мы называем литературой; эта белая сверкающая на солнце скала и видна единственно благодаря тому, что под темной водой громоздится гора сложного нравственно-психического бытия, регламентируемого не только языковыми алгоритмами, но и, в значительной мере, до- или под-языковым опытом. Феномен иноязычной национальной литературы в наибольшей мере соответствует известному *творческому* символу В. Соловьева: «Свет – из тьмы! Над черной глыбой // Вознестися не могли бы // Лики роз твоих, // Если б в сумрачное лоно не впивался погруженный // Темный корень их...» («Мы сошлись с тобой недаром...», 1892).

Говоря о возможности литературного осетинского русскоязычия, о возможности интерпретации национально-специфических смыслов средствами русского языка, мы ни в коем случае не остаемся в области отвлеченного теоретизирования, – именно постольку, поскольку существуют объективные этнические различия, имеющие практическое выражение. Если уже тип и способ реакции на внешние раздражения разнятся в разных этносах [15], то литература не может не отражать эту специфическую национальную рефлексию; полагать, что чужой язык здесь может быть помехой, значит представлять язык вообще как *вериги*, а не как форму *свободы* и обладания бытием.

Неубедительность точки зрения на литературу, единственным критерием национально-культурной принадлежности которой является язык, очевидна уже из ложности ее *общеэтических* посылок. Никто не может настаивать на том, что языковой признак ни-

чего собой не представляет. Но строго филологический и *логический* взгляд на предмет предполагают следующее условное допущение (здесь продолжает работать принцип «актуализации и упразднения границы» [16]): насколько осетин, пишущий по-русски, перестает быть осетином, настолько и русский язык перестает быть сугубо таковым, когда по-русски пишет осетин. В культурно-охранительных теориях нередко бывает замешаны рудименты патриотического самолюбия и тщеславия; а что касается известных мнений русских (конечно, не только) писателей и поэтов [17], их, конечно, нельзя принимать в строгий научный учет и пользоваться ими как методологическими положениями, просто потому, что для того, кто пишет на родном языке, язык (*языковая картина мира* по) действительно является всем.

«Разумеется, – пишет С.Б. Сабаев, – основным критерием при определении принадлежности произведений или творчества писателя к той или иной национальной литературе является язык... Но национальная форма в литературе проявляется не только в языке, как пытались доказать некоторые теоретики в 50-60-х годах. Думается, что наиболее полно и верно она определена К.М. Зелинским: «Вслед за языком к национальной форме мы должны отнести и то, – писал он, что в *более широком смысле слова является «языком»* (курсив наш. – И. Х.), выражает национально-историческую жизнь народа, его песни, обычаи, нравы, традиции, характер восприятия человеком родной природы, произведений труда и искусства и другие предметы специфики национального бытия. Наконец, наиболее высокой задачей для художника является воссоздание национального характера героя, той психологической общности, которая возникла в результате долгой совместной истории человеческой жизни, военной борьбы и хозяйствования» [18].

Именно, что речь здесь идет не только о содержании текста произведения или литературы в целом; при исследовании транслингвальных литератур тоже следует отличать, во-первых, язык в широком смысле от языка в узком смысле, во-вторых, «форму языка с внешней стороны и его внутреннюю форму» [19]. Если внешняя форма характеризуется определенной жесткостью, гарантирующей защищенность языка от произвольных и непроизвольных «механических» повреждений, то внутренняя – гибкостью и пластичностью, гарантирующей его способность к развитию и положительному органическому

взаимодействию с другими языками.

«Динамика культуры не может быть представлена, – пишет Ю.М. Лотман, – ни как изолированный имманентный процесс, ни в качестве пассивной сферы внешних влияний. Обе эти тенденции реализуются во взаимном напряжении... Пересечение с другими культурными структурами может осуществляться через разные формы. (...) «внешняя» культура, для того, чтобы вторгнуться в наш мир, должна перестать быть для него «внешней», (...) превратиться из «чужой» в «свою», (...) подвергнуться *переименованию* (курсив наш. – И. Х.) на языке «внутренней» культуры. Процесс переименования не проходит бесследно для того содержания, которое получает новое название» [20].

На уровне идейных концептов природа «переименования» заключается в том, что, заимствуемые из русской литературной традиции жанры, сюжетные схемы, конфликты, типы (характеры) получают иногда качественно новое социальное, нравственное и психологическое наполнение. Соответственно, и сугубо национальные характеры могут, конечно, квалифицироваться и идентифицироваться в соответствии с «периодической таблицей» типов русской и европейской литературы, но не обязательно лежат в границах присваиваемых им «имен». Например, князь Джамбулат из поэмы Хетагурова «Фатима» – вполне *лишний* человек, но этим привычным понятием совершенно не исчерпывается содержание образа. Даже когда собственное имя героя содержит реминисценции с европейской и русской литературой и отсылает к известным типологиям (Афхардты Хасана А. Кубалова, Гуго Анамондов Г. Цаголова и др. [21]), объективное содержание образа оказывается неконгруэнтным декларируемому семантическому полю.

Генезис РЯОЛ в языковом аспекте представляет явную особенность. Очевидно, что при пользовании чужим языком буквальному переименованию подвергается не чужое, а свое; вещи и явления объективной вненациональной действительности не лишаются своих русских имен, а специфические явления национального мира получают новые русские имена. Но, подчеркнем, только буквальному, внешнеязыковому переименованию, – и такой противоположный вектор переименования также ни в коем случае не отменяет национального коэффициента. В известном смысле при пользовании чужим языком в литературном творчестве переименованию подвергаются самые *имена* [22].

Литература не является произведением только языка: она может возникнуть исключительно из культурного корня. В этом смысле никакое переименование не означает полного забвения прежних имен или отречения от них. Так, при крещении осетинам-язычникам давали новые христианские имена, но родных имен никто никогда не забывал. Что касается принципа написания осетинских фамилий в российскую эпоху, – он как раз является ярким и лаконичным выражением сложной субстанции осетинской русскоязычной литературы: патриархальный (языческий) осетинский корень плюс русский патронимический формант (написанные кириллицей).

Если поэзия (литература) является только новым этапом языкотворчества, то генезис литературы во многом дублирует законы глоттогенеза и языковой истории. Методологически процессы корреляции между национальным и заимствованным языками в литературной традиции могут быть рассмотрены сквозь призму понятия языкового *субстрата* по В.И. Абаеву: «Явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате, скажем, завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр. (...) Язык, помимо того, что он связан с определенной артикуляционной базой, имеет слишком глубокие корни в жизни народа, слишком глубоко и интимно связан с хозяйственными и социальными навыками и традициями, с его психическим складом... Как бы велико ни было желание овладеть новым языком в точности и совершенстве, это желание не реализуется полностью. Какие-то качества родного языка в фонетике, лексике, семантике, типологии удерживаются помимо воли и сознания говорящих и продолжают «просвечивать» сквозь наложившуюся оболочку новой речи. В результате воспринятый чужой язык приобретает в данной среде особый, своеобразный характер, отличный от того, какой он имел в исходной среде. Это своеобразие мы и объясняем наличием здесь иноязычной *подпочвы*, или, пользуясь латинским термином, *субстрата*. Субстрат – это подпочвенный слой языка». Речь идет о некоем традиционном национальном *акценте*, который не исчерпывается «особенностями произношения», но включает «своеобразные черты также в *лексике, семантике, синтаксисе...*» [23] (курсив наш. – И. Х.).

Итак, если более или менее совершен-

ное владение чужим языком может в устной речи сочетаться с очевидным *фонетическим акцентом и своеобразными чертами на фонетическом уровне*, характерным представителям данного народа, то следует даже априори признать возможность некоего аналогичного «акцента» в *письме* (в котором так или иначе должно выразиться наложение семантических баз разных языков). Кроме того, нас ничем не связывает в рассуждении Абаева категории *населения*: мы вполне можем говорить о массовом усвоении русской письменной речи осетинскими писателями (потому мы и говорим о *коллективном* литературном транслингвизме в отличие от коллективного нелитературного); стало быть, по меньшей мере, субстрат – вполне *литературная и литературоведческая* категория, с той необходимой поправкой, что под субстратом в транслингвальной литературе следует понимать не подпочвенный слой языка, а подязыковой слой литературы, то есть, самую почву, питающую творчество на заимствованном слове. Литературный субстрат – это элемент *народности* в иноязычной литературе; в транслингвальной литературе «народность» закономерно оказывается в позиции субстрата, приобретает свойства субстрата. Поэтому в целях литературоведческого анализа транслингвального текста употребление данного термина представляется оптимальным и экономичным (в то время как категории «народность», «национальное» довольно расплывчаты, при анализе грамматически неудобны и не формируют представления об их функциональном значении). Если «языковой субстрат предполагает субстрат этнический», и, таким образом, правомерней говорить не о языковом субстрате, но «о языковых *последствиях* этнического субстрата» [24], то, очевидно, мы должны признать и его *литературные* последствия в транслингвальной традиции.

Уже для русского слуха (для природного русского читателя) русский язык в устах осетина (или какого-либо другого «туземца» или «немца») будет необходимо нести непривычные «смысловые обертоны» и реальность новой культурной атмосферы, нового воздуха, в котором мысли, выражаемые их родным языком, получают неожиданное «спектральное преломление». Нельзя исключать, что изобразительные средства чужого языка, будучи менее скованы случайными речевыми стереотипами, могут дать объективно новые художественные результаты [25].

Но следует помнить и о том, что русско-

язычная литература создавалась не только для русских, но и для русскоязычных осетин; звучание новых русских имен для известных явлений в большей или меньшей мере синхронизируется для слуха и вкуса всех представителей этого народа [26]. *Такой* русский язык приобретает черты действительной новой языковой реальности.

На наш взгляд, выявление, определение и описание этой «народности», этого «акцента» должны входить в круг приоритетных задач национального литературоведения, занимающегося иноязычной национальной литературой. Зачастую это крайне тонкая материя, явление неуловимое и ускользающее, но от этого оно не становится менее реальным.

Это так же бесспорно, как и то, что субстрат стоит в одном ряду с явлениями *родства* и *заимствования*, не являясь, однако, ни первым, ни вторым. Отношение «*родство – заимствование – субстрат*» имеют методологическое значение для решения вопросов генезиса осетинской литературы. С «*родством*» (принцип «антропологической» теории) субстрат сближается «интимностью и глубиной» связей одной системы (литературы) с другой: «И субстрат, и родство предполагают *этногенетические* связи». С «*заимствованием*» субстрат сближается по признаку эмпирически наблюдаемого проникновения элементов одной системы (языковая идеосемантика, мифология, эпос, фольклор) в другую (письменная литература), но зато «*заимствование*» ни в какой мере не связано с *этногенезом*» [27]. Благодаря последнему обстоятельству некоторое время полагали, что проблема субстрата не относится к задачам сравнительно-исторического языкознания, которое исходит из «принципа единой системы, наследуемой в порядке непрерывной преемственности. Как примирить с этим допущение слияния в одном языке *двух линий преемственности*? (Курсив мой. – И. Х.) Понятия «оригинального» и «заимствованного», «своего» и «чужого» представляются неотделимыми от самой сущности сравнительно-исторической концепции языка (и литературы. – И. Х.) и, поскольку субстрат не подводится ни под одно из этих понятий, возникает вопрос, не выпадает ли вообще субстрат из ведения сравнительно-исторического языкознания?» [28].

Такое положение отсылает к ряду известных в науке (гуманитарной особенно) прецедентов. В свое время и история литературы напоминала «географическую полосу, которую международное право освятило как *Res nullius*» [29] («ничья вещь». – И. Х.). Но

что особенно показательна, *ничьей вещью* еще совсем недавно рисковала оказаться и русскоязычная литература народов России.

С собственно осетинской литературой (равно как с другими национальными литературами на родном языке) в этом отношении все всегда было ясно, поскольку к ней прямо применялся постулат «национальности по форме и интернациональности по содержанию», транслингвальная же литература создавала целый комплекс неудобных методологических проблем.

Дело здесь как раз в том, что эстетика и идеология РЯОЛ напрямую относятся к проблеме *субстрата*. Именно в виду того, что РЯОЛ представляет специфически яркий (поскольку сопровождается утратой внешнеязыковой национальной формы) образец слияния «двух линий преимущества», дитя оставалось без присмотра, как незаконно рожденное: осетинское литературоведение не могло взять на себя ответственное методологическое и идеологическое решение и иногда прямо отрещивалось от РЯОЛ, а русскому, конечно, было недосуг [30]. В течение нескольких десятилетий осетинское литературоведение было озабочено вопросом: русскоязычная – или *русская*? Не означает ли русскоязычие собственно *русскость*? Сомнения, заметим, того же порядка, что с субстратом (ни «свое», ни «чужое»), – эти наблюдения настолько принципиальны, что кажется правомерным говорить, вслед за субстратными языками, о литературах *субстратного* типа: традиция национальной литературы на заимствованном литературном языке, при которой национальное не только *помещено*, но и *растворено* в литературном тексте [31].

Этот субстрат, исходя из объективно-логических требований, необходимо признать абсолютным фактором транслингвальной литературы, то есть работающим всегда, хоть и с разной мерой интенсивности; все литературные явления, имеющие хотя бы минимальное отношение к РЯОЛ, должны быть идентифицированы с точки зрения субстратного участия. Укажем наиболее общие *количественные параметры* этого явления.

Во-первых, *минимальным* условием отношения к РЯОЛ следует считать осетинскую *национальную принадлежность* русскоязычного автора, даже в тех случаях, когда *минимально* и знание родного языка, и знание реальный народной жизни [32].

Во-вторых, по мере развития РЯОЛ проявление субстрата должно становиться все менее очевидным, что связано с объективно

нивелирующим культурные различия характером цивилизации [33].

В-третьих, в коротком текстовом фрагменте субстрат определить трудней, нежели в большом [34]. Так, отдельное лирическое стихотворение или публицистическая статья может при известных условиях даже вовсе не актуализировать субстратный компонент, но когда речь идет о романе, о творчестве того или иного писателя, и больше – о целой литературе, с вопросом культурной идентификации субстратное содержание может приобретать важнейшее значение.

В широком смысле культурный субстрат всегда ярко выражен в *жанрово-родовой системе* литературы; так, РЯОЛ с первых шагов отразила стратегическую важность «внутренних архетипов», «культурного корня» и «почвы» в записях и интерпретации произведений устного народного творчества, которые составляют огромный *удельный вес* в целом этой литературы. При более специальном рассмотрении очевидно, что субстрат выражается и на всех *уровнях идейно-художественного содержания и формы* произведения; располагающихся, в отношении субстрата, в следующей градации: 1) текст – 2) материал (тема) – 3) идея (проблематика) – 4) стиль.

Если первые два уровня относятся к непосредственному выражению субстрата (то, что *помещено* в текст), то два следующих характеризуются опосредованностью субстратного выражения (то, что *растворено* в тексте).

К *текстовому* уровню относится наиболее очевидная, внешняя сторона субстратного участия; в сущности, это прямое обнаружение *осетинского языка* (языка в узком смысле, как такового) в русском тексте произведения. Сюда относятся: 1) безэквивалентная лексика, знакомящая читателя с бытом народа и его языком, 2) топонимы и антропонимы, как правило, с установкой на раскрытие их этимологии в тексте, 3) междометные формы, 4) устойчивые словесные формулы, принятые в тех или иных ситуациях, 5) словосочетания, отражающие традиционный быт, социальные и этические понятия, 6) пословицы и поговорки [35], а также различные виды «*номинаций*»: 1) административных институтов; 2) лиц по социальной принадлежности; 3) лиц по родственным отношениям; 4) гендерных различий; 5) лиц по отношению к выполняемым ими воинским обязанностям; 6) лиц по роду занятий; 7) религиозных реалий; 8) праздников, обычаев, обрядов [36].

Это, так сказать, нерастворимый субстрат, всегда выпадающий в осадок в виде тех же подстрочных примечаний и этимологических и лексических справок; они могут рассматриваться как «колоритообразующие билингвемы и межъязыковые цитаты, или как метатекстовые (или сверхтекстовые)» [37] элементы, инкорпорируемые в русскоязычный «матричный» текст. В этом смысле РЯОЛ представляет собой *билингвистический текст* в строгом смысле слова, характеризующийся толерантностью как «категориальным статусом» [38].

Субстрат находит непосредственное выражение и на уровне *материала и внешней темы* произведения. Под материалом и темой здесь имеются в виду концепты национально-специфического когнитивного пространства и явления действительности в их конкретно-исторической национальной достоверности, к которым относится, что важно, типический, вмещающий данный этнос ландшафт [39].

Выражение субстрата на уровне *проблематики и идеи* (собственно, идейного содержания) возможно в силу определенного угла зрения на явления жизни; связанного с действием идеологических внутренних архетипов и менталитета. Художественное решение проблем свободы, счастья, рока, любви, вражды и ненависти и т. д. зачастую сопровождается ярко выраженным национальным колоритом [40].

Выражение субстрата на уровне *стиля* – самое тонкое и интересное с эстетической точки зрения. Здесь вступают во взаимодействие два языка – родной и заимствованный – в узком смысле слова: лексика, семантика, синтаксис родного языка способны во многом обуславливать окончательные стилистические решения, *национально маркированную образность*. Сюда относится совокупность изобразительных средств, которые основаны на национальном восприятии окружающего мира, и воплощение художественного вкуса, воспитанного указанным выше родным ландшафтом. В данном случае ландшафт – уже не тема и не фон, а, в известном смысле, эстетический символ. География имеет отношение не только к этногенезу, но и к культурному (и литературному) генезису, ибо в значительной мере формирует эстетический вкус к форме, линии, цвету и звуку; это тем более следует учитывать в случаях, когда речь идет о ярко выраженных специфических ландшафтах: линия горного горизонта может служить стилистическим образцом и образцом почерка.

Если история РЯОЛ обладает самобытной *интригой* с точки зрения стиля и метода, то она неразрывно связана со *способом и степенью* выражения субстрата. Речь должна идти о сознательном или бессознательном поиске новой в широком смысле *филологической* эстетики, о процессе, достигающем кульминационной точки в 10-30-е годы XX века, в творчестве Б. Туганова, Г. Цаголова, А. Цаликова и, прежде всего, Дзахо Гатуева, – в последнем поколении писателей, творивших исключительно на русском языке, но еще прекрасно *владевших* родным.

Их русскоязычные тексты содержат максимально текучий и плавкий элемент литературного субстрата. В произведениях Гатуева (в первую очередь, в его прозе) идейно-эстетическая концепция РЯОЛ получила полное воплощение. Естественно, она не могла быть благополучно «переварена» ортодоксальной литературной теорией, поскольку *чистота и концентрация* субстратного раствора в гатуевском русскоязычном тексте не знает аналогов; субстрат у Дзахо никогда не выпадает в осадок, в том числе «*подстрочных примечаний*» и *калек*, и не имеет цвета и запаха, распознаваемых критикой, оторванной от науки и вдохновения. Но дело, конечно, не только в слабости прежних или современных методик: «Именно потому, что семантика и идиоматика относятся к самым интимным сторонам языка, до которых мы доходим только при весьма совершенном знании, они остаются при субстратном анализе вне сферы нашей досягаемости» [41].

У Гатуева активированы глубинные и тончайшие пласты субстрата, здесь они впервые подняты на поверхность *фактуры текста* (русского языка) и явлены солнцу: редко кому удавалось соединить русский текст с осетинским (горским) «*священным преданием*» и национальным образом мысли с той строгостью, простотой и изяществом, какие отличали лучших кавказских оружейников, не всегда ковавших кинжалы из *местной* стали: «...*Никто не сказал бы зимой в Гага-ауле, какой теперь в Москве царь: или Николай, или Ленин, или Троцкий... – Я про Ленина-Троцкого новость знаю. – Кто мог тебе про Ленина-Троцкого рассказать? – Во сне видела. Ленин большой, а Троцкий – маленький. Ленин по горам шагал. На нас царь черное зло бросил. Как солнце в светлое утро, встал имеющий славу Ленин. Как морской ветер, против царского зла поднялся имеющий славу Ленин. Сам встал, сам пошел, царское зло сам прогнал. Он пришел к нам в*

Гага-аул, веселый, и глаз узкий у него. Он к моему изголовью подошел. Темный народ мы, гага-аульцы! Это имя одного человека Ленин-Троцкий, как есть у нас имя Хаджи-Мурат» (Черновики романа «Гага-аул» [42]).

«Я хотел передать на русском языке величие подлинника»: слова, сказанные Гатуевым в предисловии к переводу на русский язык осетинского Даредзановского эпоса объясняют в широком смысле задачу РЯОЛ (дело, конечно, не в *величии*, а в реализованной передаче *подлинника*). За простой декларацией творческих намерений скрывается принципиальная филологическая доктрина, утверждающая (впервые так обоснованно), что, в широком идеологическом смысле, осетинское (горское) литературное русскоязычие – не иллюзия, что мир в пределах, по крайней мере, России и Осетии, *един*, и что, в узком профессиональном смысле, можно петь свои песни и на чужом языке [43].

В 1937 году, однако, Гатуев был расстрелян, из чего опосредованно следует, что его эстетика показалась «официальной» советской критике весьма подозрительной. В дальнейшем осетинская русскоязычная литература, как бы исчерпав экспериментальную программу, тяготеет к стилистической нормативности. К тому же последующие поколения писателей не владеют родным языком в абсолютной мере; теперь природа литературного осетинского русскоязычия определяется тем, что осетинский перестает быть в строгом смысле *родным* языком русскоязычного писателя, если считать родным языком тот, которого «идеосемантические тайны» для тебя открыты [44].

Очевидно, человек может владеть несколькими языками, но *им самим* может владеть только *один*. Подлинное действие субстрата на уровне *стиля* сводится к тому, что *язык владеет человеком*; его надо отличать от мнимого, когда *человек владеет языком* (условие стилизации). Тем не менее, знание родного языка в совокупности и богатстве его внутренних идеосемантических связей не является непременным и единственным критерием национальности художника и его произведений. Когда перестает работать собственно *языковой* субстрат, сохраняет свою действенность (иногда даже активизируется в целях компенсации языкового отношения) субстрат *поэтический* (архетипы устного народного предания), а также традиционное воспитание и этика [45].

Таким образом, РЯОЛ гетерогенна и двудоминантна: при доминировании русско-

го языка как орудия, как матричной формы текста, в ней всегда сохраняет актуальность осетинская культурно-мировоззренческая доминанта.

С точки зрения *синхронии* русскоязычная осетинская литература представляет в себе несколько типов или моделей взаимодействия этнического субстрата с языком; *диахронически* же история РЯОЛ может рассматриваться как постепенное (в той или иной мере) и безусловно связанное с общественной историей движение от одной субстратно-языковой «пропорции» к другой. Характерно, что если бы мы могли учесть индивидуальное творчество (разных авторов) в его бесконечном многообразии (неповторимом субстратном «качестве-количестве»), то мы получили бы, возможно, едва ли не сплошной стилистический сектор, ограниченный, с одной стороны, полюсом *собственно русской* литературы, с другой – полюсом *собственно осетинской* (осетиноязычной). Неповторимая индивидуальность творчества русскоязычного осетинского писателя связана с интерпретацией субстрата, точно так же, как субстратом объясняется «непроницаемое различие, индивидуальность и *своеобразие* отдельных языков в родственных группах» [46].

Генезис транслингвальной литературы лежит на векторе национальной глоттогонии. Если язык – это идеология и – по крайней мере, в древности – «важнейший духовный деятель», но «по мере образования народ все более и более нарушает нераздельное сочетание слова с мыслью, употребляет его как орудие» [47], т. е., «на смену идеологии, выраженной в *самом языке* (как идеологической системе), приходит идеология, выраженная с *помощью языка* (как коммуникативной системы)» [48], то литература – это идеология, выраженная с помощью *письменного языка*; наконец, транслингвальная литература – это национальная идеология (и эстетика), выраженная с помощью *чужого* литературного языка, который тем самым перестает быть чужим. Это уже, так сказать, идеология высших степеней толерантности национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буслаяв Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. – СПб., 1861. – Т. 1. – С. 1.
2. Бондаренко А.В. Онтологическая проблематика в современном языкознании // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», 2009. – № 1. – С. 10-11.
3. Этические обоснования национального литературного транслингвизма мы видим в следующем соображении: «...бывают такие случаи, такие соци-

- альные условия, когда человек, полагающий, что он имеет сообщить человечеству нечто важное, лишен выбора: ему ничего другого не остается, как говорить на общераспространенном языке, хотя бы он владел лишь смешным, искаженным наречием его» (Чаадаев П.Я. Философические письма. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml). Минимальные же филологические обоснования мы находим в известном положении Ф. де Соссюра: «Язык как мысль, организованная в звучащей материи, имеет определенные единицы и модели мыслительной деятельности. К числу таких единиц относится смысл как экстралингвистическое явление, как особый вид отношений между понятиями, а именно как наличие связи между понятиями...» (Цит. по: Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М., 2004. – С. 67-68). Мысль и смысл как отношение и связь между понятиями составляют непосредственный предмет литературы, и как таковая она выходит за границы собственно этнолингвистической субстанции.
4. Понятно, почему важна эта оговорка: младописьменность гарантирует хорошую сохранность и высокую развитость архетипов устного филологического предания, которые на момент обретения письменности работают в высшей степени интенсивно. (См.: Хугаев И.С. От «сказительства» к «писательству»: динамика и комплексы младописьменной культуры // Обсерватория культуры, 2008. – № 6. – С. 103 – 109.)
 5. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 192, 275.
 6. «Давно пора, – пишет, например, С.Д. Рамонов, – вынести четкое определение: осетинский (или какой-либо другой) писатель потому и называется осетинским, что творит на своем родном языке. Ни в коем случае нельзя уравнивать «русскоязычных» и исконно-национальных писателей, тем самым обесценивая творчество последних. Любая попытка дать русскоязычному произведению статус национального должна рассматриваться как серьезная угроза злокачественного перерождения национальной литературы». (Рамонов С.Д. «Русскоязычие» как проблема национальных литератур // Дарьял, 1996. – № 1. – С. 98.)
 7. Чаадаев П.Я. Указ. соч.
 8. Очевидно, что нравственно и психологически народы отличаются друг от друга все же меньше, нежели их языки, – в звуковом и письменном, собственно коммуникативном выражении.
 9. Л.Н. Гумилев, возражая члену-корреспонденту АН СССР А. Фрейману, утверждавшему, что «французы – это те, которые говорят по-французски», привел в пример свою мать. А. Ахматова до шести лет «говорила по-французски, а по-русски научилась говорить уже потом» и «стала русским поэтом, а не французским. Так была она французской до шести лет?» – «Это индивидуальный случай», – быстро нашелся ученый-академик. «Ладно, – говорю я ему, – ирландцы в течение 200 лет, забыв свой язык, говорили по-английски, но потом восстали, отделились от Англии и крови не пожалели на это отделение – ни своей, ни чужой. Если по-вашему судить, то все эти 200 лет они были настоящими англичанами?» (Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2004. – С. 21.)
 10. Абаев В.И. Значение ареальных контактов в истории языка // Абаев В.И. Избранные труды: В 4 т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 292.
 11. В той или иной мере литературный текст отражает и различные аспекты психологии художественного творчества, творческую дисциплину, понимание творческих задач и назначения литературы: данные компоненты также во многом обусловлены национальной ментальностью и воспитанием.
 12. Цит. по: Балеевских К.В. Балеевских К.В. Писатель-билингв: свой среди чужих? // URL: http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/12_2/
 13. Т.е., такого «безупречного знания языка (второго – И. Х.), которое превосходит эту способность у большинства природных его носителей» (Балеевских К.В. Указ. соч.). Мы вполне принимаем это определение и можем утверждать, что так оно и было с осетинскими русскоязычными писателями.
 14. «...даже совершенно правильный язык (большой словарный запас, безукоризненная грамматика) может быть стерильным, как дистиллированная вода, т. е. безвкусным...» (Балеевских К.В. Указ. соч.)
 15. Еще один пример Л. Гумилева: в трамвае едут русский, кавказец, татарин и латыш из Прибалтики. «...влезает, например, в тот же трамвай буйный пьяный и начинает хулиганить. Что произойдет? Ну, русский, конечно, посочувствует, скажет: «Ты, керюха, выйди, пока не забрали. Кавказец не стерпит и даст в зубы. Татарин отойдет в сторону и не станет связываться. Западный человек немедленно вызовет милиционера. Это четыре совершенно разных стереотипа поведения...» (Гумилев Л.Н. Указ. соч. – С. 22.) Условность такой дифференциации ясна, но также очевидна его правомерность. Если бы не было этнических физиономий, не было бы и всем известных анекдотов на этническую тему. И если язык как форма не дает эмпирически-достоверного представления о различиях этносов и культур, то его дает язык как идея, оживающая только в литературном тексте.
 16. См. Хугаев И.С. Культурологическое значение младописьменной транслингвальной литературы (на примере осетинской русскоязычной литературы): актуализация и упразднение границы // Вестник МГОУ, серия «Русская филология», 2009. – № 2. – С. 177 – 189.
 17. «Все, пишущие на русском языке, – говорит С. Михалков, – автоматически должны считаться русскими писателями – вне зависимости от национальности». Выражение «русскоязычный писатель» С. Михалков считает «подлым и грязным». (См.: Рамонов С.Д. Указ. соч. – С. 95.)
 18. Сабаев С.Б. Слово о творческом наследии К.Л. Хетагурова на русском языке // Сабаев С.Б. Литературно-критические статьи. – Владикавказ, 1996. – С. 12.
 19. Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Семантическая типология: история и теория вопроса // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», 2009. – № 1. – С. 30.
 20. Лотман Ю.М. Культура и взрыв: внутренние структуры и внешние влияния // Лотман Ю.М.

- Семиосфера. – СПб., 2001. – С. 116.
21. Афхард – «оскорбленный», анамонд – «несчастный» (осет.)
 22. Строго говоря, «гора», «осетин», «бурка», «кинжал», «кровник», «абрек» и т.п. для осетинского слуха звучат иначе, нежели для русского, и вызывают оригинальный ряд ассоциаций, тоже ведущих творческое сознание по неразведанным в русской литературе путям.
 23. Абаев В.И. О языковом субстрате // Абаев В.И. Избранные труды: В 4 т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 269-270. Здесь же в качестве примера Абаев берет языковую ситуацию в Советском Союзе: если бы со временем все советские народы «перешли целиком на русский язык, мы получили бы столько разновидностей русской речи, сколько имеется этих народов. И мы говорили бы тогда о русском языке на украинском субстрате, о русском языке на казахском субстрате, на грузинском, армянском и т. д.»
 24. Там же. – С. 271.
 25. Ю. Либединский, оценивший идейное и познавательное значение произведений И. Канукова, отмечал, что «хотя язык автора не лишен некоторых своеобразных отступлений от обычного строя русского языка, он сразу привлекает своей яркостью и образностью». (Цит. по: Суменова З.Н. Инал Кануков: жизнь и творчество. – Орджоникидзе, 1972. – С. 123.) Ясно, казалось бы, что Либединский не склонен относить эти отступления к кануковской эстетике, а яркость и образность на счет национального; но важно то, отступления не исключают образности.
 26. Здесь вообще возникают свои собственные поэтические и коммуникативные возможности. Двухязычный Коста Хетагуров говорит в одном из писем своему первому издателю Гаппо Баеву, давая ему шанс на реабилитацию: «Будем посмотреть». Гаппо и Коста прекрасно знали друг друга и были в равной мере «билингвы»: Коста, намеренно коверкая русскую речь, наглядно показал оппоненту степень своего возмущения и досады. Здесь не только субстрат сказался; здесь Коста, пародируя горца вообще, напомнил Гаппо о субстрате: о том, собственно, что Гаппо может говорить по-русски, но не должен забывать, что он осетин.
 27. Абаев В.И. Указ. соч. – С. 272.
 28. Там же. – С. 273.
 29. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 42.
 30. К.В. Балеевских утверждает, что «для объективной оценки литературного языка писателей, использующих в этом качестве язык другого народа (...), следует учитывать в первую очередь мнение читателей и критики той страны, на языке которой написано произведение» (Балеевских К.В. Указ. соч.). Но это касается отдельных, «спорадических» случаев транслингвизма; в отношении же младописьменных русскоязычных литератур народов России данное положение не работает: в таком случае возможна лишь в узком смысле языковая оценка, а не культурно-эстетическая и историческая.
 31. Терминология современной теории билингвизма позволяет уточнить мысль: формирование литературного двуязычия и иноязычия напрямую связано с явлениями «интерференции», «транспозиции» и «паронимии» (близкие по существу лотмановскому «переименованию»). Структурно-типологические, психолингвистические соответствия-несоответствия контактирующих языков определяют качество и количество возможных явлений «субстратного» выражения в условиях конкретных видов национально-русского двуязычия.
 32. Как, например, в случае с Гайто Газдановым.
 33. Это общий вектор субстратного развития на умозрительно далекую перспективу, актуальный только теоретически.
 34. В полном соответствии с возможностью определения этнического характера по Гумилеву: «В комнате цвета воздуха не видно, потому что его мало, а в окне – голубое небо – это цвет воздуха (...) Этническая характеристика лучше воспринимается и улавливается в больших массах, нежели в единичных случаях» (Гумилев Л.Н. Указ. соч. – С. 23.).
 35. См.: Ижакевич Г.П. Стилистические особенности произведений на русском языке писателей национальных республик // Русский язык – язык межнационального общения и единения народов СССР. – Киев, 1976. – С. 75-84.
 36. См.: Туксайтова Р.О. Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики). Автореф. дис. д-ра филолог. наук по спец 10.02.01. – Екатеринбург, 2007. URL: <http://vak.rbcsoft.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/TuksaitovaRO.doc>.
 37. Николаев С.Г. Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвизме в поэзии). URL: <http://edu-zone.net/show/153857.html>
 38. Туксайтова Р.О. Указ. соч.
 39. В какой мере предметный, внешне-тематический аспект относится к явлению субстрата? Если правда, что нет национального колорита и народности в описании сарафана, то их не может быть и в описании черкески. Но здесь просто ставится требование более глубокой, именно содержательной народности; в строгом же смысле ни сарафан, ни черкеска не могут игнорироваться в случаях, когда мы говорим о национальной принадлежности литературы.
 40. «...кроме лингвистических особенностей, – указывает Х.З. Багироков, – речь билингва характеризуется значительными семантическими сдвигами при использовании концептов «человек», «сердце», «душа» и т. д. Интерферирующее влияние на речь... билингва оказывает контаминация приведенных (духовных, идейных. – И. Х.) концептов в контактирующих языках». (Багироков Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Майкоп: АГУ, 2004. URL: http://www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov/index.htm.)
 41. Абаев В.И. Указ. соч. – С. 282.
 42. Цит. по: Туаллагов А.Д. Приговоренные к бессмертию. – Владикавказ, 1993. – С. 173-174.
 43. К Гатуеву и отчасти ко всему поколению писателей 10-30-х гг. относимо замечание африканского писателя Б. Дадье: «Двуязычный писатель не прибегает к переводу: язык произведения рождается где-то в глубине его сознания...». Он «...представ-

- ляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое... Это ставит его в известной мере в положение вне избранного языка, позволяет ему увидеть этот язык новым, сторонним взглядом... Многоязычие... служит... делу распространения человеческой мысли, делу взаимопонимания и солидарности». (Дады Б. Люди между двумя языками // Иностранная литература, 1968. – № 4. – С. 245.)
44. «Истинное очарование всякого языка заключено в его идеосемантических тайнах. Кто не овладел этими тайнами, тот не должен говорить, что он знает язык» (Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Абаев В.И. Избранные труды: В 4 т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 76).
45. То есть, если на первом этапе своей истории РЯОЛ представляет собой прежде всего ярко выраженный билингвистический текст (что привносит в нее определенную этнографическую струю), то впоследствии он становится все более бикультурным текстом (движение к собственно беллетристике).
46. Абаев В.И. Указ. соч. – С. 275.
47. Буслаев Ф.И. Указ. соч. – С. 6.

48. Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Избранные труды: В 4 т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 53-54.

I. Khugaev

ON THE MATTER OF ETHNIC CULTURAL IDENTITY OF TRANSLINGUAL TEXT (ETHNIC SUBSTRATE OF THE LITERARY OSSETIC RUSSIAN-LANGUAGE TRADITION)

Abstract: The paper is focused on theoretical and historical aspects of linguistic nature of the Russian-language Ossetic literature from the point of view of interaction between the native (indigenous) and adoptive languages. The author brings to light forms and criteria of nationality in translanguing text.

Key words: genesis, literature having recently-acquired written form, translanguing, multilingual environment, borrowing, substrate, interaction, renaming, nationality.

УДК 930.221:947
(470.41.343)

Цыкина Ю.Ю.

**«ПИСЬМА К ВОЖДЮ» МАРИЙСКОГО НАРОДА –
ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЗНАНИЙ ОБ ИСТОРИИ
МАРИЙСКОГО НАРОДА***

Аннотация. В данной статье рассматривается специфический вид литературного творчества эпохи тоталитаризма – «письма к вождю», в которых марийская интеллигенция в поэтической форме выражала преданность Вождю, а успехи, достигнутые республикой, обуславливала мудрым сталинским руководством. После кончины Сталина подобные «письма» как жанр перестали существовать. Данный вид литературы является ценным источником знаний о периоде 1936-1946 гг., рассматриваемом в статье. Этот литературный жанр воссоздает атмосферу эпохи, особенности развития народа мари, его самобытной культуры и искусства, освещает деятельность некоторых видных представителей марийской интеллигенции.

Ключевые слова: вождь, тоталитаризм, Марийский, письмо, искусство, Постановление, КПСС, источник.

Эпоха 1930-1940-х гг. – период, до сих

пор вызывающий неоднозначные оценки историков. С одной стороны, это время великихстроек, блестящих достижений в экономике, культуре, с другой – эпоха жестокого диктата и репрессий. О событиях, происходивших в это сложное время в национальных республиках, иногда можно судить, только опираясь на архивные материалы. В Государственном Архиве Республики Марий Эл сохранился особый вид источника знаний о жизни народа мари, его культуре, искусств – так называемые «письма к вождю».

В эпоху культа личности И.В. Сталина литературный жанр подобного рода был весьма распространенным явлением. В таких письмах советские люди выражали свою преданную любовь «отцу народов» и рапортовали о своих успехах в деле построения нового общества. Особый интерес представляют послания вождю в юбилейные для национальных республик даты.

Марийская автономия не была в этом отношении исключением. В «письмах к вождю»

* © Цыкина Ю.Ю.